

**М. С. Бутинов**

## **О РОЛИ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЛАНЕЗИИ**

(НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВОВ АДМИРАЛТЕЙСТВА)

При изучении социальных и религиозных институтов этнографы обычно уделяют недостаточное внимание выявлению их роли в жизни отдельного человека. Нередко хозяйство народа изучается само по себе, социальный строй и религия — сами по себе. Даже информатор для этнографа часто не столько личность, сколько лишь источник сведений о культуре. Можно назвать немало этнографических трудов, в которых совсем не упоминаются личные имена, а фигурируют люди такого-то племени и рода, такой-то деревни, представители такой-то степени родства. Если же в этих трудах и встречаются личные имена, то они приведены лишь для удобства изложения, которое само по себе носит безличный характер. Такой подход к изучению народа вполне правомерен и имеет свои достоинства. Но народ — это не только социальные институты и религиозные обряды, это и живые люди, судьбы которых тоже надо изучать. Иначе далеко не всегда ясно, какое место занимает тот или иной институт или обычай в реальной жизни людей.

Возьмем для примера классические труды Б. Спенсера и Ф. Гиллена об австралийских аборигенах. При всей их несомненной ценности они оставляют в этом отношении желать много лучшего. «Описания подлинного живого быта австралийских туземцев там, в сущности, почти нет,— отмечают Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев,— зато есть весьма обстоятельное изложение системы родственных отношений, подробное описание религиозно-магических обрядов и связанных с ними верований. При чтении подобных работ остается впечатление, что вся жизнь народа заполнена религиозными церемониями, магией и сложными расчетами родственных связей. Вместо живых людей перед нами отвлеченная схема общественной организации и сложная система магико-мифологических представлений. Отдельная личность совершенно исчезает в этой схематической картине; лишь изредка появляется отдельное лицо, чтобы произнести одну-две фразы только для иллюстрации каких-то общих положений автора,— больше оно ему ни для чего не нужно»<sup>1</sup>.

В свое время О. Конт утверждал, будто существует некая «абстрактная история», «история без имен людей и даже без названий народов»<sup>2</sup>. Но такой «абстрактной истории» на деле не существует. История всегда конкретна. И этнография тоже должна максимально стремиться к конкретности. Достаточно было Спенсеру и Гиллену, в частности, рас-

<sup>1</sup> Я. Я. Рогинский, С. А. Токарев. Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог.— Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II, М.—Л., 1950, с. 698.

<sup>2</sup> См. И. С. Кон. Социология и история.— «Вопросы философии», 1970, № 8, с. 80.

смотреть брак, колдовство, обряды инициации и прочее в их связи с реальной жизнью аборигенов, чтобы эти институты стали на свои места, приобрели свое подлинное, гораздо более скромное, чем эти исследователи им придавали, значение.

Нельзя не вспомнить в этой связи о Н. Н. Миклухо-Маклае. Его как этнографа Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев противопоставляют Спенсеру и Гиллену. «Папуасы в записях Маклая, — пишут они, — это не безымянная и не безличная „орда дикарей“, а живые люди, личности с индивидуальными характерами. Маклай с интересом и симпатией присматривался к этим окружавшим его людям, старался понять их психику, мотивы их поведения...»<sup>3</sup>.

Мы попытаемся выявить роль религии и традиционных институтов в судьбах трех конкретных людей, жителей островов Адмиралтейства. В их биографиях нашла свое отражение обстановка, существовавшая в Меланезии в сфере религиозной жизни в период до и после второй мировой войны. Один из них родился в конце прошлого века и строил свою жизнь по нормам традиционной меланезийской культуры. Второй родился около 1910 г. и жил, руководствуясь нормами европейской культуры, почти полностью отказавшись от местной, меланезийской. Третий родился примерно в то же время, что и второй, но сочетал в своей жизни институты обеих культур, в частности традиционные верования и христианство. Изучение судеб этих трех людей поможет нам получить некоторое представление о сложном процессе изменений в социальной и духовной жизни меланезийцев в конце XIX — первой половине XX в., о закономерностях этого процесса и тем самым углубить наше понимание современных условий в независимом государстве Папуа Новой Гвинеи.

Среди источников по данной теме важное место занимают труды Н. Н. Миклухо-Маклая. Он, как известно, дважды побывал на островах Адмиралтейства — в 1876 и 1879 гг. Русский путешественник посетил большой остров Манус, в частности деревни Пуби (Буби) и Лонеу на южном берегу его и деревни Суоу, Пургасси, Рембат, порт Нарес — на северном. На островках Андра и Сорри, расположенных около северного берега о. Манус, он прожил в общей сложности 25 дней. В 70-х годах прошлого века торговые суда часто заходили сюда, и жизнь местных жителей быстро менялась<sup>4</sup>. Сведения, собранные Миклухо-Маклаем, очень ценны, так как он был первым этнографом, побывавшим здесь.

Он застал на островах Адмиралтейства общинно-родовой строй на стадии его разложения. В каждой деревне было два-три клана, занимавших господствующее положение, а все остальные были подчинены им. Вожди кланов («большие люди») использовали традиционные обычаи — родовую взаимопомощь, адопцию и др. — для усиления своей власти над родовыми общинниками.

После колонизации положение «больших людей» еще более упрочилось — они были включены в колониальный аппарат в качестве низовых его звеньев. В 1928 г., когда сюда прибыли американские этнографы М. Мид и Р. Форчун, в каждой деревне имелись туземные представители колониальной администрации: *лулуй* — деревенский вождь, *тултул* — переводчик, *докта бой* — ответственный за чистоту в деревне. Местные жители заменили каменные топоры и ножи железными, однако новые орудия труда не внесли больших изменений во внутреннюю жизнь деревень. По-прежнему там были «большие люди» и зависимые от них общинники. Миссионеры сюда еще не проникли, и в религии важное место занимали культ предков и колдовство.

<sup>3</sup> Я. Я. Рогинский, С. А. Токарев. Указ. раб., с. 698.

<sup>4</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II, с. 470.

Мид и Форчун провели шесть месяцев на южном берегу о. Манус, в дер. Пери. В Пери жили люди восьми кланов (всего 210 чел.). Самый большой клан — Пери (по нему названа вся деревня). Мид и Форчун в своих трудах дают довольно подробные сведения о многих жителях Пери, как о взрослых, так и о детях, а также о событиях, происходивших в деревне. Форчун публикует детальный «дневник религиозных событий» за четыре месяца (декабрь — март) и суммарное описание «религиозных событий», без точных дат, еще за два месяца (апрель-май). Кроме того, в главе «Кто есть кто» он приводит краткие сведения о лицах, чаще других упоминаемых в его книге, в том числе и о некоем Палиау<sup>5</sup>. Мид в своих трудах тоже упоминает о нем довольно часто<sup>6</sup>. Это не тот Палиау, который возглавил движение за независимость после второй мировой войны (и о котором ниже тоже пойдет речь), а другой человек, носящий то же имя.

Вот как описывает его М. Мид. На веранде сидит Палиау. Он очень устал — всю ночь ловил рыбу, утром обменял ее на таро в деревне, расположенной на берегу. На нем передник из луба. На шее — ожерелье из собачьих зубов. Ушные мочки растянуты, с них свисают маленькие кольца из скорлупы кокосового ореха; в просверленную носовую перегородку продето украшение — длинный полумесяц из перламутровой раковины. На руках оскло плеч — плетеные браслеты, за них заткнуты куски костей недавно умершего отца. На полу около него — плетеная сумка, в ней виден сосуд из тыквы, в сосуд вставлена лопаточка для извести; в той же сумке — орехи зеленого бетеля и связка перечных листьев. Он сует орех в рот, скручивает перечный лист в воронку, откусывает кусок, достает лопаточкой немного извести, отправляет ее в рот и эту смесь с удовольствием жует<sup>7</sup>.

Таков Палиау. Он еще не знает, что такое христианство, он верит в духов умерших: у него в хижине, в углу, в маленьком деревянном ящике хранится череп недавно умершего старшего брата — Пванау. Палиау верит, что в черепе живет дух Пванау, который заботится о Палиау и его семье, награждает за добрые поступки и наказывает за «грехи». До того как Пванау умер и его дух стал духом-покровителем, эту роль выполнял дух ранее умершего человека по имени Пополи. Дух Пванау сменил духа Пополи. Однако в хижине Палиау, в другом углу, живет его теща, которая продолжает хранить череп Пополи (обычно череп ранее умершего выбрасывают в море) и считает духа Пополи своим духом-покровителем. В хижине Палиау оказалось сразу два духа, и один из них, а именно дух Пополи, был якобы недоволен тем, что тут же появился дух Пванау. Палиау считает, что дух Пополи мстит ему за это, насылает болезни на него самого, на его жену Саин и даже на их свинью. Сначала Палиау не понимает, в чем причина болезней. Он зовет на помощь колдуна, умеющего будто бы вызывать духов умерших и беседовать с ними. Колдун вызывает духа Пополи, узнает причину его гнева и передает его слова Палиау. Тогда Палиау строит рядом со своей хижинкой небольшую хижину для своей тещи и ее духа-покровителя. Теперь у каждого духа свой дом, и дух Пополи оставляет Палиау в покое<sup>8</sup>.

Другой случай: Палиау однажды заболел, позвал колдуна, тот вызвал духа Пванау и от него якобы узнал причину болезни Палиау. Колдун объявил, что человек, живущий в соседней хижине, прогневил

<sup>5</sup> R. Fortune. Manus religion. Philadelphia, 1935, p. 365.

<sup>6</sup> M. Mead. Growing up in New Guinea. London, 1931, p. 62, 81, 87, 110, 252; *ее же*. Kinship in the Admiralty Islands. — «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. 34, pt. 2, N. Y., 1934, p. 207, 251, 294, 324—329.

<sup>7</sup> M. Mead. Growing up in New Guinea, p. 15, 16.

<sup>8</sup> Там же, с. 81.

духа Пванау, а Палиау, тем не менее, продолжает жить рядом с этим человеком. Когда Палиау выздоровел, он разобрал свой дом и перенес его в другую часть деревни, подальше от хижины человека, прогневившего духа Пванау<sup>9</sup>.

По нашему мнению, Мид и Форчун, излагая эти события, все же не довели исследование до конца. Дело в том, что Палиау не просто рядовой общинник. Палиау — «большой человек», он может и не выполнить рекомендацию колдуна, если это ему невыгодно. В данном случае необходимо было выявить все мотивы, заставившие Палиау построить новую хижину для тещи и перенести свою хижину в другое место. Это слишком важные решения, чтобы считать слова колдуна единственным мотивом.

Форчун приводит еще один факт: как-то поздно вечером он и М. Мид сидели в правительственном бараке, где временно поселились, и беседовали с Покенау (местным лулуаем), Палиау и Боньяло (юношей, о котором ниже тоже пойдет речь). Вдруг Палиау услышал странный звук. Он вышел на веранду, потом вернулся и сказал: там был дух Сори (Сори — старший брат Покенау, он недавно умер и череп его хранился в хижине Покенау). Покенау, Палиау и Боньяло быстро разошлись по домам из страха перед духом Сори<sup>10</sup>. Через две недели после этого Палиау заболел лихорадкой (жители островов Адмиралтейства часто болеют гриппом и лихорадкой). В роли колдуна выступила мать Палиау — Камутал. Она вызвала духа Сори и тот якобы сказал: «Палиау заболел потому, что пришел на мою землю» (правительственный барак находился на земле, считавшейся принадлежащей духу Сори). Причина болезни была установлена. Камутал затем вызвала духа Пванау и спросила, что теперь сделать, чтобы Палиау выздоровел. Дух Пванау ответил: пусть Палиау построят дом для этнографов на моей земле. Палиау так и сделал. Здесь, конечно, дело не в духах, а в желании самого Палиау поселить этнографов рядом с собой. Но, отмечает Форчун, на о. Манус обычай таков: если человек хочет внести в вашу жизнь важное изменение, он выдает это не за свое желание, а за внушение духа<sup>11</sup>.

В общем Палиау жил согласно тем нормам и обычаям, которые существовали еще до прихода колонизаторов, во времена Миклухо-Маклая. Палиау — глава клана Пери, очень влиятельный человек в своей деревне. В «большие люди» он тоже пробился в соответствии с местными обычаями. Вот как это было. Палиау родился на о. Мбуке на рубеже XX в. и рано потерял родителей. Его усыновил Потек — «большой человек» из дер. Пери. Обычай адаптации широко распространен на островах Адмиралтейства: четвертая часть всех детей — приемные дети. Усыновляют чаще всего «большие люди», *лапан*. Они могут внести плату, связанную с вступлением юношей в брак (чего часто не могут сделать родные отцы и матери), а за это получают работников для своего хозяйства.

Плата за невесту — важнейший обычай, определяющий на многие годы отношения между людьми. Тот, кто внес и продолжает вносить плату за невесту, становится для юноши приемным отцом, а юноша — его приемным сыном, зависимым (*лау*). При этом в зависимость от «большого человека» попадают не только сами приемные дети, но и их родные отцы и матери. С родителями Палиау этого не произошло лишь потому, что их уже не было в живых. Палиау забыл о своем родном о. Мбуке, о своих родных отце и матери. Его отцом стал Потек, матерью — жена Потек Камутал, братьями — родные дети Потек Туну и Лувил, старшим братом — Пванау (тоже приемный сын Потек).

<sup>9</sup> R. Fortune. Указ. раб., с. 179.

<sup>10</sup> Там же, с. 112.

<sup>11</sup> Там же, с. 114.

Когда Потек умер, «большим человеком» сделался Пванау; но и он умер вскоре после Потека, и его место занял Палиау. Теперь Палиау уже сам начал усыновлять и удочерять: он усыновил трех мальчиков — Пополи, Иеса и Кутана, удочерил детей Пванау — Нгасу и Саликон.

Любопытно, что родной брат Палиау, Тчаван, был усыновлен не Потеком, а другим жителем деревни и принадлежал поэтому к другому клану, чем Палиау. В отличие от энергичного и предприимчивого Палиау Тчаван не выбился в «большие люди» и находился в зависимости от Палиау, работал на него. В числе зависимых от Палиау оказались также сыновья Пванау — Туну и Лувил (он внес плату за их жен). Палиау стал главой клана Пери и главой большой родни: Камутал была теперь известна как «мать Палиау», вдова Пванау — тоже «мать Палиау», муж одной из его приемных дочерей — «зять Палиау» и т. д. Все это — его *лау*, т. е. люди от него зависимые, образно называемые «членами его тела». Они были обязаны работать на него и выполнять его приказы. Таков обычай, нарушать который нельзя: можно заболеть. Так, Туну однажды заболел и позвал колдуна. Колдун вызвал духа Пванау и тот якобы сказал: я наслал болезнь на Туну, потому что он посмел послушаться Палиау<sup>12</sup>. И здесь, конечно, дело в колдуне, который верно служил Палиау.

Что касается самого Палиау, то он колдунов не боялся, хотя у него были в деревне враги, и они пытались ему навредить. Как-то колдун обвинил духа Пванау (а тем самым и самого Палиау) в том, что он наслал болезнь на одного мальчика. Палиау вошел в хижину колдуна, доказав этим всем окружающим свою невиновность (иначе дух хижины, по местным верованиям, убил бы его). Потом он назвал «подлинную» причину смерти мальчика — дочь колдуна совершила преступление — и ему поверили<sup>13</sup>.

Палиау использовал любое нарушение обычая, рассматриваемое как преступление, для своего обогащения и укрепления своего авторитета. Однажды заболела лихорадкой Алупвай, жена Туну (того самого Туну, который болел якобы потому, что ослушался Палиау). Колдуны в течение пяти дней по-разному толковали причину болезни, а больная при этом часто теряла сознание и была близка к смерти. Потом она сама нашла причину: вспомнила, что совершила преступление. Когда Пванау был еще жив, Алупвай была с ним в одной хижине. Хижины в дер. Пери стоят у берега на сваях над водой и полы в них из бамбуковых стволов, которые не закреплены и могут раздвигаться, образуя проемы. Ночью чей-то ребенок упал через проем в море. Пванау подумал, что это его ребенок, Алупвай — что это ее ребенок. Оба быстро прыгнули в воду. Алупвай спасла своего ребенка, но при этом она случайно коснулась голого тела Пванау, а это считается здесь тяжким преступлением. Сознаваясь в этом, Алупвай полагала, что нашла лишь причину своей болезни. Но Палиау рассудил иначе: он увидел в этом нарушении обычая причину смерти Пванау. Он заявил, что если бы Алупвай созналась раньше, еще при жизни Пванау, тот не умер бы. Страшное возбуждение охватило всех жителей дер. Пери — они кричали, били в барабаны. Новость обошла всю деревню: была открыта причина смерти Пванау.

Члены того клана, к которому принадлежала Алупвай, очень сильно пострадали материально: они внесли плату за нарушение обычая — три лодки, деревянный ящик с замком и ключом, одежду, копье для ловли рыбы. Львиную долю этой платы Палиау взял себе (две лодки), другую раздал своим родственникам. Любопытна процедура раздачи:

<sup>12</sup> R. Fortune. Указ. раб., с. 111.

<sup>13</sup> Там же, с. 182, 189, 206.

Палиау отдавал эти предметы духам — духу Пванау (т. е. себе, ибо этот дух жил в его хижине), духу Чолаи (т. е. своему брату Лувилу) и т. д.<sup>14</sup>

Совсем другое отношение к традиционной культуре и религии было у Боньяло. Он тоже житель дер. Пери. Отец его умер, когда Боньяло было 7 лет; мать вторично вышла замуж. Боньяло остался сиротой и жил то в одной хижине, то в другой, а затем поселился у Палиау. Палиау внес часть платы за его будущую жену (здесь сговор происходит еще в детские годы), после чего Боньяло стал от него зависимым, работал на него. Все считали Боньяло тупым, ленивым. Когда в деревню пришел колониальный чиновник и потребовал отправить одного мальчика в школу-интернат в Рабаул, выбор пал на Боньяло (тогда в школу детей отпускали неохотно). Боньяло шесть лет учился в Рабауле, потом работал при школе.

В 1928 г. в Рабаул прибыли Мид и Форчун и стали выяснять, в какой деревне лучше остановиться. Им сказали, что есть подросток из дер. Пери, который знает и родной язык, и английский. Исследователи поехали в Пери и взяли Боньяло с собой. Он почти совсем не знал местных обычаев, как пишет Форчун, «не знал своей культуры»<sup>15</sup>. Как-то Боньяло заболел. Многие колдуны отказывались ему помочь, так как не могли придумать, какое «преступление» мог совершить этот подросток. Наконец один из них вызвал духа Пванау (духа-покровителя Палиау и Боньяло), а затем сообщил: Боньяло бросил в костер дерево, которое было для него запретно. Между тем Боньяло ничего не знал об этом запрете. Когда он во второй раз заболел, дух Пванау якобы сказал, что Боньяло должен жить не в хижине Палиау (видимо, тому надоело держать у себя в хижине больного), а в хижине матери Палиау<sup>16</sup>.

Хотя Боньяло и не знал местных обычаев, он все же вынужден был им подчиняться. Так, когда у его жены родилась дочь, на него наложили запрет — в хижину жены не входить, в течение месяца не работать. Девочка все время плакала. К ней без ведома Боньяло был приглашен колдун, который совершил обряд и произнес заклинание: «Она может есть пищу, она может пить воду и материнское молоко; она может спать, она не будет плакать, она не будет кричать, она будет спать спокойно». За свой труд колдун получил связку раковинных денег и 10 собачьих зубов<sup>17</sup>.

В 1929 г. Мид и Форчун уехали обратно в США, а Боньяло вернулся в школу в Рабаул. Много лет он работал в Рабауле (клерком в технической школе), потом шесть лет — в Кокапо (клерком в правительственном магазине, выдавал пайки служащим туземной полиции). Во время войны Боньяло два года работал в Кавиенге на японцев (ловил рыбу), а затем — в австралийской военной администрации. В 1945 г. Боньяло вернулся в свою родную дер. Пери. Она была уже не та, что раньше — люди в годы войны работали на военных базах, накупили себе европейских вещей, кое-что получили от американских и австралийских солдат (орудия, одежду, одеяла, стулья и др.). В хижинах появились дощатые полы. Да и сами люди были уже не те, особенно молодежь. Юношей уже не прельщала перспектива работать на «больших людей» для того, чтобы приобрести себе жену. Им хотелось вырваться из этой рутины. Между тем многие старые обычаи сохранялись. «Большие люди», например, по-прежнему вносили плату за жен для молодых парней, а те работали на них<sup>18</sup>.

<sup>14</sup> R. Fortune. Указ. раб., с. 223, 224.

<sup>15</sup> Там же, с. V.

<sup>16</sup> M. Mead. Growing up in New Guinea, p. 270.

<sup>17</sup> R. Fortune. Указ. раб., с. 111, 118—120.

<sup>18</sup> M. Mead. New lives for old: cultural transformation, Manus 1928—1953. N. Y., 1956, p. 231.

За годы пребывания вне деревни изменился и сам Боньяло — он научился читать и писать, в нем пробудилось желание помочь своему народу. Постепенно Боньяло завоевал доверие и уважение односельчан. Он стал обучать их грамоте и добился немалых успехов — многие благодаря ему стали читать и писать на пиджин-инглиш (неомеланезийском языке). Боньяло решил изменить и некоторые традиционные обычаи. Как-то он созвал молодежь деревни и предложил отказаться от сговора детей, плату за жену вносить только один раз (по обычаю ее вносили частями много раз), в размере 10 фунтов, — эти деньги каждый юноша мог заработать сам и таким образом не идти в кабалу к «большим людям». Однако Боньяло натолкнулся на сопротивление. Патрульный офицер запретил ему пропагандировать свои идеи за пределами Пери. А пожилые люди в деревне выступили против его планов. Дело дошло до того, что Боньяло и его сторонники вынуждены были уезжать ночью на соседний необитаемый остров и там тайно проводить свои совещания<sup>19</sup>. Добиться осуществления своих проектов Боньяло так и не удалось. «Большие люди» продолжали вносить плату за жен молодых мужчин. Увидев, что все его старания напрасны, Боньяло собрал группу молодых парней и уехал с ними на о. Нропва, на плантацию. Там они жили и работали как наемные рабочие. Этим все и кончилось.

Интересно теперь сравнить судьбы Палиау и Боньяло, в которых религия играла столь разную роль. Палиау, опиравшийся на общинно-родовые нормы и соответствующую им религиозную идеологию, — носитель традиционной культуры. Боньяло воспринял уже европейскую культуру, он отвергает традиционные обычаи и желает по-новому строить жизнь, хотя бы и вне деревни. Что касается идеологии, то он был, видимо, и против культа предков, связанного с институтом «больших людей», и против христианства, принесенного белыми, но противопоставить им со своей стороны ничего не мог. В своих выступлениях, как отмечают исследователи, Боньяло обычно старался «избегать религиозных аспектов»<sup>20</sup>. Он в полном смысле этих слов оказался «между двух культур».

В 1953 г. в дер. Пери вновь приехала М. Мид и опять, как и в 1928—1929 гг., прожила здесь полгода. Это довольно редкий случай, когда этнограф снова приезжает к народу через четверть века и изучает происшедшие здесь изменения. Вместе с нею прибыли супруги Теодор и Ленора Шварц; они целый год жили в дер. Бунаи (недалеко от Пери) и изучали движение Палиау. Это был другой Палиау, борец за новую жизнь, как и Боньяло. Но в отличие от Боньяло он добился большого влияния не только в своей родной дер. Липан, движение Палиау охватило 36 деревень, около половины населения островов Адмиралтейства. «Палиау, — пишет Т. Шварц, — самая выдающаяся фигура на островах Адмиралтейства; это, несомненно, один из самых влиятельных туземных лидеров на Новой Гвинее и в Меланезии»<sup>21</sup>.

О движении Палиау написано много<sup>22</sup>, но о самом Палиау сообщается мало, по крайней мере в литературе на русском языке. Попытаемся восполнить этот пробел. Кроме того, скажем о некоторых чертах самого движения, которые ранее не были известны или толковались не вполне точно.

Палиау родился на о. Балуан. Детство его очень напоминает детство Палиау из дер. Пери: родители умерли, когда ему было 7 лет. Он жил то в хижине сестры матери, то в хижине кланового брата отца — Иосифа Пати, то в хижине старика Каловина. Потом его усыновил Иосиф Пати

<sup>19</sup> T. Schwartz. The Paliau movement in the Admiralty Islands. — «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. 49, pt. 2, N. Y., 1962, p. 230.

<sup>20</sup> Там же, с. 230.

<sup>21</sup> Там же, с. 238.

<sup>22</sup> См., например: П. Уорсли. Когда вострубит труба. М., 1963, с. 228—241.

и внес часть платы за его невесту. Палиау стал зависимым от Пати и работал на него. Так продолжалось, пока Палиау не исполнилось 15 лет. В школе он не учился и грамоты не знал. Патрульный офицер, прибывший в деревню собирать подушный налог, сказал ему, что в будущем году он тоже должен уплатить 10 шиллингов, если не хочет пойти в тюрьму. Чтобы скопить деньги для уплаты налога, Палиау нанялся к китайцу и работал у него два года. Китаец выдавал ему в месяц по два шиллинга и кусок материи на одежду; каждую неделю — немного мыла, спичек и табаку, а при окончательном расчете за два года работы выдал 5 австралийских фунтов. На половину этой суммы Палиау накупил разных вещей в магазине, другую оставил себе и вернулся в деревню.

Но он все еще был лау, т. е. зависимый от Иосифа Пати. Последний взял у него все вещи и деньги, часть забрал себе, остальное раздал родственникам. Палиау опять нанялся к китайцу и работал еще два года за такую же плату, потом вновь вернулся в деревню — и снова Иосиф Пати забрал у него все. Тогда Палиау нанялся на работу в туземную полицию в Рабаул. Плата — та же, что и у китайца. Через два года он получил 5 фунтов, накупил вещей на все деньги, вернулся в деревню — и опять та же история: все вещи забрал Иосиф Пати. После Рабаула Палиау работает полицейским в Саламауа, Маданге, Финшхафене, Лае, Кавиенге. Всего он проработал в полиции 12 лет. «Когда я видел человека с острова Балуан, — рассказывает Палиау, — я спрашивал его: „Обычай стариков на Балуане еще бытуют или они исчезли?“ и человек отвечал: „Они еще бытуют. А разве это плохо? Это наша культура“»<sup>23</sup>.

Пока Палиау служил в полиции, он в свободное от работы время научился читать и писать по-английски и на пиджине. Через три года службы Палиау получил полугодовой отпуск и снова вернулся на Балуан. Он пришел в родную деревню с деньгами: за три года работы (он был сержантом полиции) ему удалось скопить 35 фунтов. На этот раз он сказал Иосифу Пати, что денег ему больше не отдаст. С помощью лулуая и тултула Палиау собрал всех жителей дер. Липан, показал им деньги и заявил, что тот, у кого не будет средств для уплаты подушного налога, пусть возьмет отсюда, а потом вернет. «Я показываю хороший путь, — добавил он, — идя по которому молодые парни могут избежать тюрьмы»<sup>24</sup>. Через три года Палиау принес еще денег в тот же фонд. Теперь из этого фонда могли брать деньги не только люди о. Балуан, но и островов Лоу, Пвам, Моук. Он вносил деньги в фонд каждые три года, пока не разразилась вторая мировая война.

В 1942 г. в Рабауле высадились японцы. Сержант полиции Палиау бежал в джунгли и скрывался там целый год — до августа 1943 г. Потом голод вынудил его уйти из джунглей; он стал работать на японцев. В 1944 г. Рабаул бомбили американцы и Палиау был ранен в ногу. Когда японцы были изгнаны, вернулась австралийская администрация. Палиау попал под суд за сотрудничество с японцами. Целый год он пробыл в тюрьме и лишь в октябре 1946 г. вернулся в родную деревню.

Действия Палиау на родине представляли собой попытку приспособления старых обычаев к новым условиям. Палиау вносил за молодых парней плату, хотя уже не за невесту, а подушный налог, и не местными деньгами (раковины, собачьи зубы), а австралийскими шиллингами. Тем самым он приобрел влияние в деревне и за ее пределами, стал «большим человеком», так как люди, бравшие деньги из его фонда, попадали в зависимость от него. Палиау собирался использовать эту зависимость не в своих личных, а в общих интересах. Более того, он пытался и дру-

<sup>23</sup> Т. Schwartz. Указ. раб., с. 242.

<sup>24</sup> Там же, с. 243.

гих жителей деревни заставить заботиться прежде всего об общих интересах. Так, когда Палиау узнал, что Вильям Матбе собирается открыть магазин с целью личного обогащения, он пришел к нему и предупредил, что это — «неверный путь», что не позже чем через 5 месяцев Матбе разорится. Так оно и произошло — Матбе разорился. Спустя некоторое время Палиау узнал, что Боньяло с группой парней собирается покинуть дер. Пери. Он приехал в Пери и пытался отговорить Боньяло от этого шага<sup>25</sup>. «Это твоя деревня. Ты сам должен изменить жизнь в ней. Никто не сделает это за тебя. Только ты можешь сделать это»<sup>26</sup>. Здесь опять проявилась характерная черта программы Палиау: он собирался строить новую жизнь не только для себя, как Вильям Матбе, и не где-то в другом месте, как Боньяло, а здесь, в деревнях, с помощью самих местных жителей. Он полагал, что сумеет повести их за собой.

Палиау решил построить дом собраний. Он мобилизовал все работоспособное население о. Балуан на эту работу. Дом был вскоре построен, в центре его поставлена кафедра, с которой Палиау стал призывать людей к новой жизни. Дом собраний служил одновременно и церковью, в нем велась христианская служба. Здесь важно отметить, что Палиау видоизменял и приспособлял к новым условиям не только традиционные институты, но и европейские, в частности христианство. Он создал свою версию христианства и излагал ее в доме собраний. Согласно его версии, главное в христианстве не вера в рай на небе, а знания, помогающие улучшить жизнь на земле. Палиау по-своему толковал разные места из Библии. В Библии сказано, что двери рая закрыты; что это значит? — спрашивал он с кафедры в доме собраний и объяснял: это — образное выражение, означающее, что черный человек отстранен от знаний. В Библии сказано, что бог вручил апостолу Петру ключи от рая. Это значит, что белый человек получил доступ к знаниям. Бог, однако, решил допустить к знаниям и черного человека. (Далее Палиау излагал по существу историю колонизации Меланезии европейцами.) Бог послал к черным немцев, но те не дали им знаний. Бог отозвал немцев и послал к черным англоавстралийцев. Результат был тот же. Бог послал японцев, потом американцев, но и они не дали черным знаний. А миссионеры все время лгали — в их Библии нет подлинных знаний. Теперь же положение изменилось — Палиау обладает знанием. Он откроет доступ к знанию всем черным — для этого и построен дом собраний.

Палиау нелегко было ответить на вопрос, как он добыл это знание. То, что о нем рассказывали люди (будто к нему явился Христос), не совпадает с тем, что говорил исследователю он сам: «Кто я такой, чтобы Иисус пришел ко мне?»<sup>27</sup>. Сейчас трудно установить, кто первый сказал о приходе Христа к Палиау — сам Палиау или кто-либо другой. Сам он в этот приход не верил, но в то же время, как пишет Шварц, «он решил другим превратить себя в легенду»<sup>28</sup>. Видимо, иных средств повести за собой неграмотных, религиозно настроенных людей у него не было. Суть самой легенды такова: потерпев неудачу с немцами, англоавстралийцами, японцами и американцами, бог якобы послал к черным Христа. Тот прилетел на самолете, на борту которого был нарисован крест, на о. Манус. Он искал здесь своего пророка, но на Манусе такого не было. Тогда Христос полетел в Рабаул, где и нашел своего пророка. Это был Палиау. Христос появился перед ним в образе быка,

<sup>25</sup> Боньяло был знаком, таким образом, с обоими Палиау. Со вторым он встретился впервые в Рабауле, когда выдавал полицейским пайки. Первого Палиау в послевоенные годы, видимо, уже не было в живых.

<sup>26</sup> T. Schwartz. Указ. раб., с. 232.

<sup>27</sup> Там же, с. 258.

<sup>28</sup> Там же, с. 247.

потом превратился в человека. Палиау пригласил его войти в дом. Вошли, сели, Христос на один стул, Палиау — на другой. И тут Палиау увидел Библию, состоящую наполовину из металла, наполовину из камня. Ни один человек не может ее открыть, не может изменить в ней ни одной буквы. В книге было знание, и Палиау овладел им.

Палиау — «сложная личность», отмечает М. Мид. «По уму его можно сравнить, — пишет она, — с Франклином Рузвельтом, а жил он в мире, состоящем из небольшой кучки почти неграмотных людей»<sup>29</sup>. Исследователи добавляют, что управляли этой кучкой почти неграмотных людей патрульные офицеры, в большинстве своем ненавидевшие Палиау, и миссионеры, считавшие его антихристом, а под их влиянием находилось немало местных жителей<sup>30</sup>. Опасность подстерегала Палиау со всех сторон. В 1947 г. колониальные власти опять арестовали его и обвинили в терроризме, осквернении церквей, в руководстве культом Нойсе<sup>31</sup>, хотя на деле он выступал против этого культа. В 1950 г. его арестовали в третий раз и приговорили к каторжным работам. В 1953 г. опасность пришла с другой стороны — один из местных жителей напал на Палиау с топором и тяжело его ранил. Состоялся суд, но колониальные власти судили не столько преступника, сколько пострадавшего: на суде Палиау обвиняли в том, что он установил тоталитарный режим, сравнивали его с Гитлером, говорили, что он имеет гарем и т. п. Покушавшийся на жизнь Палиау был приговорен всего лишь к 9 месяцам тюрьмы, но, как пишет М. Мид, «было много людей, считавших, что его надо казнить за то, что он не сумел убить Палиау»<sup>32</sup>.

В этих условиях Палиау вел борьбу за новую жизнь; стремился объединить все многоплеменное население островов Адмиралтейства в одну народность, перестраивал хозяйственную жизнь, создавал кооперативы, учреждал деревенские советы. В 1964—1972 гг. он был членом Палаты Ассамблеи Папуа Новой Гвинеи от островов Адмиралтейства<sup>33</sup>. Несомненно, он был одним из тех, кто пролагал Папуа Новой Гвинее путь к независимости.

Сейчас в Папуа Новой Гвинее есть люди с высшим образованием, видные государственные деятели. Но в деревнях еще можно найти немало «больших людей», чей жизненный путь напоминает судьбы Палиау и Боньяло из дер. Пери и Палиау с о. Балуан. Эти люди играют заметную роль в современной Папуа Новой Гвинее.

---

<sup>29</sup> M. Mead. *Continuities in cultural evolution*. New Haven, 1964, p. 229.

<sup>30</sup> T. Schwartz. Указ. раб., с. 238.

<sup>31</sup> Культ Нойсе — разновидность карго-культа. Сторонники культа Нойсе, совершая обряды с целью ускорить приход корабля с карго, впадали в экстаз, сопровождаемый конвульсиями. П. Уорсли перевел слово «noise», приняв его за английское, как «шум» (П. Уорсли. Указ. раб., с. 233, 234). В действительности это слово неомеланезийское и означает «конвульсивная тряска» (T. Schwartz. Указ. раб., с. 268).

<sup>32</sup> M. Mead. *Continuities in cultural evolution*, p. 214.

<sup>33</sup> «Australian Territories», vol. 4, № 4, 1964, p. 14; vol. 8, № 4, 1968, p. 10.